

КЛАССИКА С РАЗБОРОМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Л.Н. ТОЛСТОЙ

ДЕТСТВО

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ С ПОЯСНЯЮЩИМИ КОММЕНТАРИЯМИ

 МОСКВА

УДК 821.161.1-31(07)
ББК 84(2Рос=Рус)1-44я721
Т53

Составитель

Б. А. Ланин — доктор филологических наук, профессор, автор УМК по литературе для 5–11 классов и учебников для университетов по русской литературе и методике преподавания

Толстой, Лев Николаевич.

Т53 Детство / Л. Н. Толстой ; составление и комментарии Б. А. Ланина. — Москва : Эксмо, 2026. — 128 с. — (Классика с разбором произведений).

ISBN 978-5-04-232077-4

Книга предназначена специально для школьников, которые хотят быстро подготовиться к уроку, сочинению или экзамену по литературе.

Помимо полного текста повести Л. Н. Толстого «Детство», в издании представлены ценные дополнительные материалы:

- подробный план произведения на полях, с помощью которого можно быстро найти нужный фрагмент, описание героев, легко проследить фабулу повести;
- развернутые комментарии с объяснениями непонятных фактов, устаревших слов;
- история создания произведения;
- указатель имен и событий в конце книги для быстрого поиска страниц, на которых появляются герои, происходит то или иное событие, важное для понимания авторского замысла.

В пособии реализованы принципы изучения произведения в школе. Учебно-справочные материалы делают книгу максимально удобной для анализа текста в классе и дома, подготовки к написанию сочинений, ОГЭ и ЕГЭ. Пособие также будет полезно учителям при планировании и проведении уроков литературы.

УДК 821.161.1(07)
ББК 84(2Рос=Рус)1-44я721

© Ланин Б. А., составление, комментарии, 2026
ISBN 978-5-04-232077-4 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ КНИГОЙ	4
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО»	6
ПОЛНЫЙ ТЕКСТ. НАВИГАТОР И КОММЕНТАРИИ.	7

ДЕТСТВО

<i>Глава I. Учитель Карл Иванович</i>	7
<i>Глава II. Маман</i>	12
<i>Глава III. Папа</i>	15
<i>Глава IV. Классы</i>	19
<i>Глава V. Юродивый</i>	22
<i>Глава VI. Приготовления к охоте</i>	26
<i>Глава VII. Охота</i>	28
<i>Глава VIII. Игры</i>	32
<i>Глава IX. Что-то вроде первой любви</i>	34
<i>Глава X. Что за человек был мой отец?</i>	36
<i>Глава XI. Занятия в кабинете и гостиной</i>	38
<i>Глава XII. Гриша</i>	41
<i>Глава XIII. Наталья Савишна</i>	43
<i>Глава XIV. Разлука</i>	47
<i>Глава XV. Детство</i>	51
<i>Глава XVI. Стихи</i>	54
<i>Глава XVII. Княгиня Корнакова</i>	60
<i>Глава XVIII. Князь Иван Иванович</i>	64
<i>Глава XIX. Ивины</i>	69
<i>Глава XX. Собираются гости</i>	75
<i>Глава XXI. До мазурки</i>	80
<i>Глава XXII. Мазурка</i>	84
<i>Глава XXIII. После мазурки</i>	86
<i>Глава XXIV. В постели</i>	90
<i>Глава XXV. Письмо</i>	91
<i>Глава XXVI. Что ожидало нас в деревне</i>	97
<i>Глава XXVII. Горе</i>	99
<i>Глава XXVIII. Последние грустные воспоминания</i>	104

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, СОБЫТИЙ, СВЕДЕНИЙ (В СООТВЕТСТВИИ С ПЛАНОМ)	113
--	-----

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ КНИГОЙ

Эта книга поможет любому ученику стать отличником — если он того захочет. Вы не замечали, на что уходит время на уроке литературы? Нет, не на размышления, не на споры о героях — хотя, конечно, именно это главное на уроке литературы и требует много времени. Все же больше всего времени на уроке уходит на поиски нужной сцены, фрагмента, страницы. «Найдите в тексте...» — так чаще всего начинается задание, которое дает учитель. И тут начинается быстрое перелистывание страниц в поисках нужного фрагмента. Кто-то нашел первым — он и опередит своих одноклассников.

С этой книгой в руках легко стать первым. Ведь в ней:

- удобная навигация;
- продуманный справочный аппарат;
- подробный указатель;
- история создания произведения.

План книги на полях

Следите за информацией на полях — там представлен **подробный план книги**, которую вы изучаете. Вы можете проследить фабулу произведения по плану на полях, вспомнить, какие основные события в нем происходят.

Навигатор поиска

В конце книги есть **указатель имен, событий, сведений (в соответствии с планом)** — и это удобно для поиска. Если вам нужно найти, в каких сценах появляется

герой или происходит то или иное событие, нужно открыть этот раздел и посмотреть, на каких страницах есть такие сведения.

Справочный аппарат

На каждой странице объясняются непонятные, устаревшие слова, даются дополнительные сведения о предметах, фактах, событиях, приводятся биографические справки и даты исторических событий, поясняются географические названия. Такие полезные сведения помогают учащимся понять содержание произведения.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО»

Первая повесть Л.Н. Толстого «Детство» была подписана «Л.Н.». В ту пору Толстой был офицером. Он послал эту рукопись в журнал «Современник» и попросил вернуть ее обратно, если она не подойдет. Даже вложил конверт с оплаченной обратной доставкой. Но конверт не понадобился. Повесть была опубликована сразу, в № 9 за 1852 год.

В октябре 1852 года, через месяц после ее выхода в свет, Н.А. Некрасов писал И.С. Тургеневу: «Обрати внимание на повесть «Детство» в IX номере — это талант новый и, кажется, надежный». После выхода в свет следующей части, «Отрочества», уже сам И.С. Тургенев писал: «Вот, наконец, преемник Гоголя, нисколько на него не похожий, как оно и следовало...»

Так в русской литературе появился новый писатель, поистине великий, к которому обращались за советом или благословением со всего света.

«Детство» и «Отрочество» были в 1856 году опубликованы отдельной книгой, в которую Толстой внес последние поправки, никогда более не изменяя этого текста. Например, Толстой возражал против названия, под которым повесть появилась в журнале: «История моего детства». Он написал письмо Н.А. Некрасову, в котором восклицал: «Кому какое дело до истории *моего* детства?!» Ему было крайне важно описать взросление человека, его чувства и мысли, задуматься над нанесенными обидами и пожалеть о несовершенных добрых поступках.

Толстой всегда вел дневники, поэтому мы можем точно узнать дату, когда он начал работать над «Детством», — 4 июля 1851 года. Это должна была быть первая часть романа из четырех частей. Были завершены три части. В архиве хранятся 629 листов — около 1300 страниц произведения.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ. НАВИГАТОР И КОММЕНТАРИИ

ДЕТСТВО

ГЛАВА I. УЧИТЕЛЬ КАРЛ ИВАНЫЧ

12 августа 18..., ровно в третий день после дня моего рождения, в который мне минуло десять лет и в который я получил такие чудесные подарки, в семь часов утра Карл Иваныч разбудил меня, ударив над самой моей головой хлопущкой — из сахарной бумаги на палке — по мухе. Он сделал это так неловко, что задел образок моего ангела, висевший на дубовой спинке кровати, и что убитая муха упала мне прямо на голову. Я высунул нос из-под одеяла, остановил рукою образок, который продолжал качаться, скинул убитую муху на пол и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинул Карла Иваныча. Он же, в пестром ваточном халате, подпоясанном поясом из той же материи, в красной вязаной ермолке с кисточкой и в мягких козловых сапогах, продолжал ходить около стен, прицеливаться и хлопать.

«Положим, — думал я, — я маленький, но зачем он тревожит меня? Отчего он не бьет мух около Володиной постели? вон их сколько! Нет, Володя старше меня; а я меньше всех: оттого он меня и мучит. Только о том и думает всю жизнь, — прошептал я, — как бы мне делать неприятности. Он очень хорошо видит, что разбудил и испугал меня, но выказывает, как будто не замечает... противный человек! И халат, и шапочка, и кисточка — какие противные!»

В то время как я таким образом мысленно выражал свою досаду на Карла Иваныча, он подошел к своей кровати, взглянул на часы, которые висели над нею в шитом бисерном башмачке, повесил хлопущку на гвоздик и, как заметно было, в самом приятном расположении духа повернулся к нам.

**КАРЛ ИВАНЫЧ
БУДИТ
НИКОЛЕНЬКУ**

**ОДЕЖДА
КАРЛА
ИВАНЫЧА**

**НИКОЛЕНЬКА
ОБИЖАЕТСЯ
НА КАРЛА
ИВАНЫЧА**

— Auf, Kinder, auf!.. s'ist Zeit. Die Mutter ist schon im Saal¹, — крикнул он добрым немецким голосом, потом подошел ко мне, сел у ног и достал из кармана табакерку. Я притворился, будто сплю. Карл Иванович сначала понюхал, утер нос, шелкнул пальцами и тогда только принялся за меня. Он, посмеиваясь, начал щекотать мои пятки. — Nun, nun, Faulenzer!² — говорил он.

Как я ни боялся щекотки, я не вскочил с постели и не отвечал ему, а только глубже запрятал голову под подушки, изо всех сил брыкал ногами и употреблял все старания удержаться от смеха.

«Какой он добрый и как нас любит, а я мог так дурно о нем подумать!»

Мне было досадно и на самого себя и на Карла Ивановича, хотелось смеяться и хотелось плакать: нервы были расстроены.

— Ach, lassen sie³, Карл Иванович! — закричал я со слезами на глазах, высовывая голову из-под подушек.

Карл Иванович удивился, оставил в покое мои подошвы и с беспокойством стал спрашивать меня: о чем я? не видел ли я чего дурного во сне?.. Его доброе немецкое лицо, участие, с которым он старался угадать причину моих слез, заставляли их течь еще обильнее: мне было совестно, и я не понимал, как за минуту перед тем я мог не любить Карла Ивановича и находить противными его халат, шапочку и кисточку; теперь, напротив, все это казалось мне чрезвычайно милым, и даже кисточка казалась явным доказательством его доброты.

Я сказал ему, что плачу оттого, что видел дурной сон, — будто татам умерла и ее несут хоронить. Все это я выдумал, потому что решительно не помнил, что мне снилось в эту ночь; но когда Карл Иванович, тронутый моим рассказом, стал утешать и успокаивать меня, мне казалось, что я точно видел этот страшный сон, и слезы полились уже от другой причины.

ДОСАДА
НИКОЛЕНЬКИ
НА СВОЮ
НЕСПРАВЕДЛИ-
ВОСТЬ К КАРЛУ
ИВАНЫЧУ

ЗАБОТА
КАРЛА
ИВАНЫЧА

ДУРНОЙ СОН
НИКОЛЕНЬКИ

¹ Вставать, дети, вставать!.. пора. Мама уже в зале (*нем.*).

² Ну, ну, лентяй! (*нем.*).

³ Ах, оставьте (*нем.*).

Когда Карл Иванович оставил меня и я, приподнявшись на постели, стал натягивать чулки на свои маленькие ноги, слезы немного унялись, но мрачные мысли о выдуманном сне не оставляли меня.

Вошел дядька Николай — маленький, чистенький человек, всегда серьезный, аккуратный, почтительный и большой приятель Карла Ивановича. Он нес наши платья и обувь, Володе сапоги, а мне покуда еще несносные башмаки с бантиками.

При нем мне было бы совестно плакать; притом утреннее солнышко весело светило в окна, а Володя, передразнивая Марью Ивановну (гувернантку сестры), так весело и звучно смеялся, стоя над умывальником, что даже серьезный Николай, с полотенцем на плече, с мылом в одной руке и с рукомойником в другой, улыбаясь, говорил:

— Будет вам, Владимир Петрович, извольте умываться.

Я совсем развеселился.

— Sind sie bald fertig?¹ — послышался из классной голос Карла Ивановича.

Голос его был строг и не имел уже того выражения доброты, которое тронуло меня до слез. В классной Карл Иванович был совсем другой человек: он был наставник. Я живо оделся, умылся и, еще с щеткой в руке приглаживая мокрые волосы, явился на его зов.

Карл Иванович, с очками на носу и книгой в руке, сидел на своем обычном месте, между дверью и окошком. Налево от двери были две полочки: одна — наша, детская, другая — Карла Ивановича, собственная. На нашей были всех сортов книги — учебные и неучебные: одни стояли, другие лежали. Только два больших тома «Histoire des voyages», в красных переплетах, чинно упирались в стену; а потом пошли длинные, толстые, большие и маленькие книги, — корочки без книг и книги без корочек; все туда же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажут перед рекреацией привести в порядок библиотеку, как громко называл Карл Иванович эту полочку. Коллекция книг на *собственной* если

ДЯДЬКА
НИКОЛАЙ
ПРИНОСИТ
ОДЕЖДУ

УРОК КАРЛА
ИВАНЫЧА

¹ Скоро вы будете готовы? (нем.)

не была так велика, как на нашей, то была еще разнообразнее. Я помню из них три: немецкую брошюру об унавоживании огородов под капусту — без переплета, один том истории Семилетней войны — в пергаменте, прожженном с одного угла, и полный курс гидростатики. Карл Иваныч большую часть своего времени проводил за чтением, даже испортил им свое зрение; но, кроме этих книг и «Северной пчелы», он ничего не читал.

В числе предметов, лежавших на полочке Карла Иваныча, был один, который больше всего мне его напоминает. Это — кружок из кардона, вставленный в деревянную ножку, в которой кружок этот подвигался посредством шпенок. На кружке была наклеена картинка, представляющая карикатуры какой-то барыни и парикмахера. Карл Иваныч очень хорошо клеил и кружок этот сам изобрел и сделал для того, чтобы защищать свои слабые глаза от яркого света.

Как теперь вижу я перед собой длинную фигуру в ваточном халате и в красной шапочке, из-под которой виднеются редкие седые волосы. Он сидит подле столика, на котором стоит кружок с парикмахером, бросавшим тень на его лицо; в одной руке он держит книгу, другая покоится на ручке кресел; подле него лежат часы с нарисованным егерем на циферблате, клетчатый платок, черная круглая табакерка, зеленый футляр для очков, щипцы на лоточке. Все это так чинно, аккуратно лежит на своем месте, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Иваныча совесть чиста и душа покойна.

Бывало, как досыта набегаешься внизу по зале, на цыпочках прокрадешься наверх, в классную, смотришь — Карл Иваныч сидит себе один на своем кресле и с спокойно-величавым выражением читает какую-нибудь из своих любимых книг. Иногда я заставал его и в такие минуты, когда он не читал: очки спускались ниже на большом орлином носу, голубые полузакрытые глаза смотрели с каким-то особенным выражением, а губы грустно улыбались. В комнате тихо; только слышно его равномерное дыхание и бой часов с егерем.

~~~~~
ВИД
ЧИТАЮЩЕГО
КАРЛА
ИВАНЫЧА

Бывало, он меня не замечает, а я стою у двери и думаю:

«Бедный, бедный старик! Нас много, мы играем, нам весело, а он — один-одинешенек, и никто-то его не приласкает. Правду он говорит, что он сирота. И история его жизни какая ужасная! Я помню, как он рассказывал ее Николаю, — ужасно быть в его положении!» И так жалко станет, что, бывало, подойдешь к нему, возьмешь за руку и скажешь: «Lieber¹ Карл Иваныч!» Он любил, когда я ему говорил так; всегда приласкает, и видно, что растроган.

На другой стене висели ландкарты, все почти изорванные, но искусно подклеенные рукою Карла Иваныча. На третьей стене, в середине которой была дверь вниз, с одной стороны висели две линейки: одна — изрезанная, наша, другая — новенькая, собственная, употребляемая им более для поощрения, чем для лишения; с другой — черная доска, на которой кружками отмечались наши большие проступки и крестиками — маленькие.

Налево от доски был угол, в который нас ставили на колени.

Как мне памятен этот угол! Помню заслонку в печи, отдушник в этой заслонке и шум, который он производил, когда его поворачивали. Бывало, стоишь, стоишь в углу, так что колени и спина заболят, и думаешь: «Забыл про меня Карл Иваныч: ему, должно быть, покойно сидеть на мягком кресле и читать свою гидростатику, — а каково мне?» — и начнешь, чтобы напомнить о себе, потихоньку отворять и затворять заслонку или ковырять штукатурку со стены; но если вдруг упадет с шумом слишком большой кусок на землю — право, один страх хуже всякого наказания. Оглянешься на Карла Иваныча, — а он сидит себе с книгой в руке и как будто ничего не замечает.

В середине комнаты стоял стол, покрытый оборванной черной клеенкой, из-под которой во многих местах виднелись края, изрезанные перочинными ножами. Кругом стола было несколько некрашенных, но

ОПИСАНИЕ
УГЛА — МЕСТА
НАКАЗАНИЯ

¹ Милый (нем.).

 ВИД ИЗ ОКНА

от долгого употребления залакированных табуретов. Последняя стена была занята тремя окошками.

Вот какой был вид из них: прямо под окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешек, каждая колея давно знакомы и милы мне; за дорогой — стриженная липовая аллея, из-за которой кое-где виднеется плетеный частокол; через аллею виден луг, с одной стороны которого гумно, а напротив лес; далеко в лесу видна избушка сторожа. Из окна направо видна часть террасы, на которой сиживали обыкновенно большие до обеда. Бывало, покуда поправляет Карл Иваныч лист с диктовкой, выглянешь в ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-нибудь спину и смутно слышишь оттуда говор и смех; так делается досадно, что нельзя там быть, и думаешь: «Когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидеть не за диалогами, а с теми, кого я люблю?» Досада перейдет в грусть, и, бог знает отчего и о чем, так задумаешься, что и не слышишь, как Карл Иваныч сердится за ошибки.

Карл Иваныч снял халат, надел синий фрак с вышненьями и сборками на плечах, оправил перед зеркалом свой галстук и повел нас вниз — здороваться с матушкой.

ГЛАВА II. МАМАН

Матушка сидела в гостиной и разливала чай; одной рукой она придерживала чайник, другою — кран самовара, из которого вода текла через верх чайника на поднос. Но хотя она смотрела пристально, она не замечала этого, не замечала и того, что мы вошли.

 ПОРТРЕТ
МАТЕРИ

Так много возникает воспоминаний прошедшего, когда стараешься воскресить в воображении черты любимого существа, что сквозь эти воспоминания, как сквозь слезы, смутно видишь их. Это слезы воображения. Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какою она была в это время, мне представляются только ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шее, немного ниже того места, где выются маленькие волосики, шитый и бе-

лый воротничок, нежная сухая рука, которая так часто меня ласкала и которую я так часто целовал; но общее выражение ускользает от меня.

Налево от дивана стоял старый английский рояль; перед роялем сидела черномазенькая моя сестрица Любочка и розовенькими, только что вымытыми холодной водой пальчиками с заметным напряжением разыгрывала этюды Clementi. Ей было одиннадцать лет; она ходила в коротеньком холстинковом платье, в беленьких, обшитых кружевом, панталончиках и октавы могла брать только arpeggio. Подле нее, вполупоборот, сидела Марья Ивановна в чепце с розовыми лентами, в голубой кацавейке и с красным сердитым лицом, которое приняло еще более строгое выражение, как только вошел Карл Иваныч. Она грозно посмотрела на него и, не отвечая на его поклон, продолжала, топая ногой, считать: «Un, deux, trois, un, deux, trois»¹, — еще громче и повелительнее, чем прежде.

Карл Иваныч, не обращая на это ровно никакого внимания, по своему обыкновению, с немецким приветствием подошел прямо к ручке матушки. Она опомнилась, тряхнула головкой, как будто желая этим движением отогнать грустные мысли, подала руку Карлу Иванычу и поцеловала его в морщинистый висок, в то время как он целовал ее руку.

— Ich danke, lieber² Карл Иваныч, — и, продолжая говорить по-немецки, она спросила: — Хорошо ли спали дети?

Карл Иваныч был глух на одно ухо, а теперь от шума за роялем вовсе ничего не слышал. Он нагнулся ближе к дивану, оперся одной рукой о стол, стоя на одной ноге, и с улыбкой, которая тогда мне казалась верхом утонченности, приподнял шапочку над головой и сказал:

— Вы меня извините, Наталья Николаевна?

Карл Иваныч, чтобы не простудить своей голой головы, никогда не снимал красной шапочки, но всякий раз, входя в гостиную, спрашивал на это позволения.

ПОРТРЕТ
СЕСТРЫ
ЛЮБОЧКИ

¹ Раз, два, три, раз, два, три (франц.).

² Благодарю, милый (нем.).

